

место занимали новгородско-тверская война 6880 (1372) г. и взятие тверскими войсками города Торжка. Новгородская I и Симеоновская (Троицкая) летописи подчеркивали в этом рассказе жестокость и зверства тверичей. Но составитель рассказа СІ—НІV, начав с сообщения, близкого к Троицкой, о приходе тверского князя с литовскими силами и включив затем в свое повествование подробности из новгородского летописания, основное изложение строит на прямо противоположном по тенденциям тверском источнике. Михаил Александрович Тверской выступает здесь в этикетной роли «смирненного» князя-христианина (подобного Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой): «Нача смириением послати послы свои к новгородцем и новоторжцем: выдайте ми тех, кто моих тферичь поймал и бил и пограбил... И жда от них мира и чистосердаго покорения от утра и до полудне...». Со своей стороны новгородцы выступают в столь же традиционной роли «высокоумных» супостатов: «они же нимала хотяху покоритися, и посылаху послы со ответы, а все с высокоумием, и ополчишася на бой сами бояре новгородские, похвалившеся силою мужества своего...». Рассказав далее о поражении новгородцев и о жертвах, автор сообщает о вмешательстве Дмитрия Ивановича Московского, но делает это только для того, чтобы завершить рассказ весьма мирной развязкой, вновь заимствованной из тверского источника (Рог., Тв. сб.). «Враг» (овраг), разделивший оба войска, служит им «в спасение»: «И тако стояша неколко дний, и укрепилася крестияне верою и силою крестною и въздохнуша к богу от сердца чиста, абы не сътворилося кровопролития; господь наш Исус Христос услыша молитву их, и дасть им мир и избавление от напрасныя смерти». Легко заметить, что эта концовка, дававшая тон всему рассказу и явно отражавшая тенденцию его редактора, противоречила новгородской точке зрения на события: Новгород больше всего пострадал в ходе событий 6880 г. и отнюдь не жаждал московско-тверского примирения. Но для составителя исследуемого свода излюбленной темой была именно необходимость мира между русскими князьями: рассказав о новом конфликте между Михаилом и Дмитрием в 6883 г. и описав, как новгородцы вступили в бой, «скрежчюще зубы на тферичь за свою обиду» под Торжком, он вновь ввел в рассказ тверской материал (приезд Некомата в Тверь, «скорбь в граде» во время московской осады) и закончил (по Троицкой) прославлением Дмитрия Ивановича, не хотевшего «видети разорения граду, и погыбели людския, и кровопролития христианом».

В последней четверти XIV в. столкновения между Новгородом и великими князьями стали постоянными. С достаточной определенностью тенденция протографа СІ—НІV обнаруживается из рассказа о столкновении в 6901 (1393) г. Новгород выступал при поддержке литовских князей; столкновение, как сообщают СІ и НІV, окончилось поражением новгородцев, согласившихся на все условия, выставленные великим князем Василием Дмитриевичем. Но изложение начального момента столкновения в НІV и СІ оказывается совершенно различным. В НІV поход Василия начинается без всякого повода: «Той же зимы в великое говение присла князь Московский дядю своего Володимеря и брата своего Юрья, и рать с ним отпустил к Торжку»; в СІ мы находим совсем иное, хорошо мотивированное объяснение: князь жалуется, что новгородцы не уплатили «черного бора» (дани) и не выполнили требование митрополита о церковном суде — «и вы к митрополиту ту грамоту отъшлите, а целование митрополит с вас соиметь»; когда новгородцы не соглашаются, Василий I посылает дядю и брата на Торжок. Какой же из этих вариантов первичен? Решение этого вопроса облегчается тем, что в данном случае протограф